

REVIEWS * ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

М. В. Наумова, Глагольное управление в ливвиковском наречии карельского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Петрозаводск 2006. 208 с.

15 декабря 2006 г. в Петрозаводском государственном университете состоялась защита кандидатской диссертации Марины Владимировны Наумовой. Работа выполнена в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук под руководством доктора филологических наук ведущего научного сотрудника Г. М. Керта. Официальными оппонентами были доктор филологических наук профессор А. И. Кузнецова и кандидат филологических наук доцент М. И. Муллонен.

Синтаксическая сочетаемость слов представляет собой область взаимодействия словаря и грамматики. Одним из основных принципов данного взаимодействия является связь синтаксической и семантической сочетаемости языковых единиц. Автор рецензируемой работы М. В. Наумова едва ли не первая обратилась к решению данной проблемы на материале ливвиковского диалекта (в терминологии автора — наречия) карельского языка.

Сама проблема, занимающая центральное место в работе М. В. Наумовой и впервые рассматриваемая на материале карельского языка, давно обратила на себя внимание специалистов. Способность слова вступать в синтаксические связи с другими словами (валентность) относится прежде всего к глаголу. В России термин введен в 1948 г. С. Д. Кацнельсоном; в западноевропейском языкознании — Люсьеном Теньером в 1959 г., уже после смерти автора. Теория

Л. Теньера послужила базой для разработки теории валентности, семантического синтаксиса и падежной грамматики, о чем и идет речь в исследовании М. В. Наумовой. В нем рассматриваются управляемые глаголом слова — актанты и/или сирконстанты (для них использованы термины «дополнение» и «обстоятельство»); учитывается, что глаголы могут иметь несколько валентностей и быть одно-, двух- и трехвалентными. Обращается внимание и на то, что «падежная форма имени, выступающего в качестве прямого дополнения, может зависеть от семантики управляющего глагола и управляемого имени» (с. 80). В результате темой исследования становятся семантико-синтаксические отношения глаголов в одном из диалектов карельского языка. Автор выступает первопроходцем в изучении глагольного управления, привлекая к решению поставленных задач семантику и глагола, и существительного, управляемого глаголом. В этом — новизна работы, требующая известной смелости автора в отстаивании своей точки зрения.

Предметом и целью исследования автор считает «управление переходных глаголов и глаголов движения именами» (с. 4). В свою очередь, глаголы делятся ею на переходные и непереходные «в зависимости от имеющегося в глаголе лексического значения» (с. 163). К сожалению, цель и задачи сформулированы не совсем удачно. Хочется задать вопрос: 1) кто/что и кем/чем управляет?

(постепенно это становится понятным); 2) автор исходит из презумпции отнесения глаголов движения к глаголам непереходным, выделяя их в отдельную главу; это делать неправомерно и это не подтверждается в дальнейшем, так как и переходные, и непереходные глаголы могут относиться ко многим разным лексико-семантическим группам, что реально и что показано в работе, в том числе — к глаголам движения. В пределах же самих глаголов движения далеко не все глаголы могут иметь категорию транзитивности. М. В. Наумова объединяет в одном предложении две задачи: 1) исследование управления всех переходных глаголов, попавших в поле ее зрения, среди которых могут быть глаголы разных семантических групп, и 2) отдельное исследование глаголов лишь одной лексической группы глаголов движения, среди которых есть и переходные, и непереходные. В главе 2-й (с. 63—79) перечисляются семантические группы слов, управляемых переходными глаголами (сами группы иногда вызывают сомнения; принцип их выделения неясен). При этом неизвестно, есть ли (и в каком количестве) такие лексико-семантические группы глаголов, которые всегда и во всех своих значениях являются непереходными. Выделенная из основной массы глаголов в отдельную главу группа глаголов движения наводит на мысль, что именно глаголы движения являются тем классом слов, в котором все глаголы непереходные. Однако это не так. Остается предположить, что в ливвиковском диалекте не существует среди 4000 слов, ставших объектом исследования, непереходных глаголов, которые ни в одном своем значении не ведут себя как переходные. Так ли это? Было бы желательно, чтобы М. В. Наумова ответила на этот вопрос и указала процентное соотношение среди 4 тыс. глаголов количество прямопереходных, косвенно-переходных и непереходных значений у переходных глаголов и количество непереходных глаголов, управляющих падежной формой прямого объекта. Правда, известно, что мнения лингвистов по данному вопросу в отношении других прибалтий-

ско-финских языков сильно расходятся, о чем пишет и автор рецензируемой работы (см. с. 52—54).

Таким образом, хотя изучение переходных глаголов и их управления — задача грамматики, а выделение лексической группы глаголов движения и определение их значения — дело семантики, обе задачи тесно взаимосвязаны.

Исследование имеет четкую структуру. Оно состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии и приложений.

Глава 1-я посвящена управлению как виду лексико-грамматической связи (с. 22—51). Здесь речь идет о глагольном словосочетании и о том, какие его виды будут реально использоваться в работе при анализе глагольно-именных словосочетаний. Большое внимание уделяется обсуждению употребления глаголов, что подтверждается большим количеством примеров. Обращает на себя внимание замечание автора об изменениях в управлении под влиянием русского языка. В частности, глагол *auttua* (с. 43) 'помогать' встречался в образцах карельской речи в сочетании с зависимым словом чаще в партитиве, чем в аллативе, а в последнее время он преобладает в сочетании с аллативом под воздействием русского языка, в результате чего возникает вариативное употребление двух окончаний. Аналогичная ситуация типична для многих уральских языков: например, глагол *płtyqo* 'помочь' зафиксирован у северных селькупов в речи тех представительниц среднего и молодого поколений, которые не перешли еще на русский язык, в настоящее время вместо аккузатива употребляется датив-аллатив. В речи старшего поколения употребляется аккузатив. Среди выводов данного параграфа особенно интересно наблюдение о преобладающем порядке слов в исследуемом диалекте — SVO вместо ожидаемого SOV, что может быть связано с особенностями топикализации разговорного языка в отличие от письменного (с. 46). Однако этот вопрос выходит за рамки исследования.

В последнем разделе первой главы М. В. Наумова слегка затронула проб-

лему выражения в анализируемом языке видовых и залоговых значений, однако не стала углубляться в сложную аспектуально-акциональную проблематику уральских языков, что увело бы ее в сторону от основной темы.

В главе 2-й анализируются переходные глаголы (с. 52—124). Именно здесь говорится о разных трактовках понятия переходности глагола, о трудности выявления границ между переходными и непереходными глаголами, о связи переходности/непереходности с полисемией и особенностями словообразования глаголов.

В данной главе приводятся лексико-семантические группы переходных глаголов, о которых говорилось ранее; рассматривается управление падежами прямого объекта и косвенными падежами, а также падежно-последеложное и последеложно-падежное управление.

Эта глава более других насыщена примерами, подача которых вызывает некоторые замечания (и пожелания). Автор совершенно справедливо при переводе примеров на русский язык дает в скобках буквальный перевод при расхождении в управлении, но делает это не всегда достаточно корректно. Сложности усугубляются отсутствием глоссирования примеров (хотя бы частичного). Например, М. В. Наумова рассматривает случаи употребления непереходного глагола в функции переходного. Процессы такого рода характерны для разговорного языка, а порою проникают и в художественную литературу. Это явление наблюдается не только в финно-угорских, но и в славянских языках. Так, в период XV—XVII вв. в памятниках русского языка глагол *ездить* встречается в значении переходного: *ездить сено* 'возить сено'. Причиной появления в русском глаголе транзитивности было использование его в качестве каузативного (аналогичный пример приведен на с. 58 с глаголом *ajua*, который в значении 'ехать, ездить' является непереходным, а в других значениях — переходным: *üönitkettäjäinen iär ajaw* 'плакальщицу прочь гонит'). Иногда категория переходности может возникнуть (как у глаголов *лезть* — *ла-*

зять и *брести* — *бродить* в русском языке) в результате поглощения предлога, т. е. в результате замены косвенного предложного дополнения прямым, например, *бродить реку* в значении 'переходить реку в брод'. В современном русском просторечии и даже в разговорном языке учащаются случаи употребления переходных глаголов вместо непереходных: *He on ушел, а его ушли; бежать дистанцию; Давай лопнем этот мяч!* и др. В ливвиковском диалекте также наблюдается подобное явление. К сожалению, автор соединяет в одну строку буквальный перевод и перевод на литературный русский, вместо того, чтобы или развести их в две строки, как это обычно делается при глоссировании текста, когда дается поморфемный перевод слов и указываются грамматические категории каждой морфемы, или внести исправления в русский перевод. Так, предложение *Kengo kelloloih zvoniw, kengo jumaloi moliw* можно сразу перевести (раз уж нет глосс) как 'Кто в колокола звонит, кто богов молит'; *Sanel'e sid ngi kangazdieloloi* 'Расскажи теперь про (вместо о) качество' (см. примеры на с. 55—56).

Последняя, 3-я глава, посвящена анализу глаголов движения (с. 125—160). После общей характеристики глаголов этой группы автор говорит об управлении зависимым именем без послелога (предлога), а в следующем разделе — с ними. В заключении к этому параграфу впервые даны количественные характеристики послелогов и предлогов, употребляемых с теми или иными падежами: 26 послелогов, с которыми используется генитив, 10 предлогов встречаются с элатив, 9 — партитив (с. 160) и др.

В этой же главе на с. 134 приводится ряд синонимов с их русскими переводами. Если верить переводам, то далеко не все (а лишь несколько!) можно интерпретировать как синонимы. Это все глаголы одного семантического поля, объединяемые понятием движения, но подавляющее большинство среди них не могут быть взаимозаменяемы не только целиком, но даже и в отдельных значениях. Трудно представить,

как можно уравнивать значения глаголов *haihattua* 'быстро идти' и *hiiskata* 'идти медленно, с трудом', *britfata* 'идти быстро' и *čekkuo* 'плестись, идти с трудом'. Видимо, М. В. Наумова имела в виду нечто иное, чем высказанное мнение, будто все подобные слова — синонимы глагола *mennä* 'идти'. Синонимичными обычно бывают отдельные значения приводимых на с. 133—134 глаголов, но и это можно доказать только заменой одного глагола другим в одной и той же конструкции без изменения общего смысла высказывания. На с. 134 сказано: «У глагола *lange-ta* 'падать вниз' обнаружено 73 синонима». При попытке сосчитать синонимы этого глагола в Приложении 2, испытывая часто сомнения, можно ли тот или иной глагол отнести к синонимам *lange-ta*, я насчитала значительно меньшее их количество, поскольку без контекстов это делать невозможно.

Многие карельские глаголы (автор работы имеет в виду глаголы движения, количество которых, однако, не указывается — А. К.) не противопоставляются по значению однонаправленности/неоднонаправленности движения (в отличие от русского языка, как считает автор работы), например *uidua* 'плыть, плавать' (с. 167). В отношении русского языка данное утверждение верно лишь для группы 26 бесприставочных глаголов движения несовершенного вида непереходных, среди которых два (*грясти, шествовать*) относятся к устаревшим (см. А. И. Кузнецова, Смысловые отношения и их исторические изменения в лексико-семантической группе глаголов движения русского языка с XI по XX в. Автореф. канд. дисс., Москва 1963). Заманчивость идеи сопоставления по признаку переходности/непереходности глаголов движения в русском и карельском языках требует больших усилий и времени. Можно только констатировать, что в обоих языках встречаются, как отмечала М. В. Наумова во 2-й главе, глаголы, способные функционировать и как переходные, и как не-

переходные. Иными словами, речь может идти о синкретизме категории транзитивности — интранзитивности при передаче субъектно-предикатно-объектных отношений в предложении с точки зрения наличия/отсутствия у глагола прямого дополнения.

Завершает работу список литературы (136 наименований) и приложения.

Приложение 1 «Переходные глаголы, управляющие зависимым именем в пассиве», куда входят глаголы, выражающие чувства, глаголы речевой деятельности, глаголы звучания, глаголы со значением движения частей тела и глаголы некоторых других лексико-семантических групп. В Приложении 2 помещен список глаголов движения с переводами на русский язык (более 450 слов). Приложение 3 состоит из четырех таблиц, включающих модели словосочетаний, в которых стержневым словом являются 1) переходный глагол и зависимые от него имя или 2) послеложная (предложная) конструкция, а также 3) глагол движения и зависимые от него имя или 4) послеложная (предложная) конструкция.

Рецензируемая работа, как видно по приложениям, сделана на большом, хорошо продуманном и обработанном материале. Результаты, полученные автором, будят мысль, толкают к постановке новых задач. Материал работы может не только широко использоваться в обучении языку (для этого желательно было бы издать его в виде словарей), но и быть полезен при создании баз данных по прибалтийско-финским языкам, например, по выражению синтаксических отношений. Исследование привлечет к себе внимание лингвистов, занимающихся типологией.

А. И. КУЗНЕЦОВА (Москва)

Address:
Ariadna Kuznecova
Moscow State University
E-mail: aikuznec@yandex.ru